Вам ближе еврей, мне ближе русский.

М. Осоргин

Это стало теперь легендою –
Год далёкий двадцать второй,
Уплывает интеллигенция,
Покидая советский строй.

Уезжают бердяевы, лосские,
Бесполезные для страны:
Ни историки, ни философы
Революции не нужны…

А. Городницкий

Наш, родом уральский, пермский писатель (Я, если помните, тоже с Урала. – *И. Ф.*) Михаил Андреевич Осоргин по своему богатейшему жизненному опыту одновременно является также и одним из самых европейских, точнее, европеизированных русских эмигрантов, сошедших со знаменитого ленинского «философского парохода». «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно», – уничижительно провожал Троцкий лучших деятелей гуманитарных наук России,

[1] **Игорь Фунт –** литературный псевдоним **Попова Игоря Владиславовича**, выпускника Ленинградского института культуры. Редактор журнала «Русская жизнь» (проект Хронос), издательства «Аэлита» («Уральский следопыт»). Лауреат международных литературных премий. Живёт в г. Киров.

[2] Заглавие взято из сочинения Н. Берберовой «Лирическая поэма», 1927. Иногда фразу приписывают З. Гиппиус, что неверно.

оставленных с двумя парами кальсон, носков и без денег к существованию (имущество и все средства конфискованы). После чего критик с дореволюционным стажем Дм. Философов, покинувший отчизну чуть раньше, в 1919-м, скажет: «На русской эмиграции лежит как бы специальное обязательство добросовестно и честно пересмотреть весь духовный арсенал русской культуры, сняв с себя очки, как розовые, так и дымчатые», не сдаваясь, никого не проклиная и не костеря, понимая, что будущее всё спишет, вложив в руки правнуков важнейшее: драгоценные зёрна знаний, воспоминаний, воплощённые в текстах, книгах, философских фолиантах, доктринах и научных изысканиях.

Осуществить определённую цель – на чужой почве сохранить для русского будущего «живые ростки русской культуры», – можно было, только сохранив самого себя как носителя данной культуры. Посему эмиграция, обречённая жить реминисценциями прошлого, всячески стремилась запечатлеть «священные корни» (И. Ильин) и своё прошлое, не возвеличивая его без разбору, но и «не клевеща на него» (Г. Адамович), тщательно оберегая то, что достойно оставления из огромного его достояния.

Воспоминания Осоргина…

Подобно многим современникам-эмигрантам – Бунину, С. Булгакову, Лосскому, Карсавину и *др.* – Осоргин особенное внимание уделяет некоему зайцевскому очарованию прошлого, его власти над настоящим и грядущим: в хронологии убывания: чем дальше в веках, ближе к праотцам, тем святая Русь «святее». (Печатался в популярнейших парижских «Последних новостях».) Не зря М. Арцыбашев говорил в «Записках писателя», что русская эмигрантская литература есть по преимуществу литература мемуаров и документов. Ему вторит Осоргин: «Мемуары, дневники, опять воспоминания, опять дневники… вот что такое, главным образом, представляет из себя эмигрантская книга за последние годы».

Внутренний психологический монолог на фоне жизненных конфликтов, глубокое разочарование от гнетущего состояния одиночества, оторванности, растерзанности. Оторванности от языка, культуры, духа традиций, атмосферы, в конце концов: воздуха! Эсхатология вопроса крайней трагичности истории России, вопроса неотделимости и привязанности к ней: вот темы исследований – миссия осознания эмиграцией смысла собственного существования, присутствия на фоне больших пожаров. Причём

эта гностическая миссия возникла не оттого, что эмигранты так захотели об этом объявить. А «невозможно было уклониться» (М. Назаров) от неё – разве что элементарно перестать быть собой, что нереально. Бердяев резюмировал: «Человек – малая вселенная, микрокосм – вот основная истина познания человека и основная истина, предполагаемая самой возможностью познания. Вселенная может входить в человека, им ассимилироваться. Им познаваться и постигаться потому только, что в человеке есть весь состав вселенной, все её силы и качества, что человек – не дробная часть вселенной, а цельная малая вселенная».

Ведь чем, как не микрокосмом, вырисовывается нам старый московский дом отставного профессора-орнитолога из осоргинского «Сивцева Вражка», в процессе повествования из микрокосма превращающийся в Макрокосм – Солнечную систему в огромной галактике перевоплощений, где Солнце – это настольная лампа в кабинете профессора: «В беспредельности Вселенной, в Солнечной системе, на Земле, в России, в Москве, в угловом доме Сивцева Вражка, в своём кабинете сидел в кресле учёный-орнитолог Иван Александрович. Свет лампы, ограниченный абажуром, падал на книгу, задевая уголок чернильницы, календарь и стопку бумаги»... – так начинается произведение.

Роман-дневник, роман-хроника, роман-воспитание, роман-история. За ним видится лесковская нарочитая неспешность, видится горьковское стремление стать чем-то бóльшим, чем ты есть на самом деле, стать лучше, удачливее, смелее: хочется поймать какую-то любовную ноту, которая должна «“песчинку” возродить внезапно в высокое достоинство Человека» (из письма Осоргина к Горькому, 1924).

За романом стоит шопенгауровское сострадание, по-буддистски исключающее всякий суд и «всякое осуждение» (Горький). За Шопенгауэром – Толстой с его ревизионизмом: развенчанием «самонадеянности власть имущих» (А. Ранчин). За Толстым – Достоевский с соблазнительным отрицанием моральных запретов. Далее – Булгаков с таинственно-мистическими силами, управляющими бытием, переплетая аллегории с земной реальностью. И *т. д.* и *т. п.*: вездесущий ахматовский интертекст, драматическая булгаковская полифония, зайцевские «кремлёвские» аллюзии... (Кстати, с Б. Зайцевым Михаил Андреевич «парился» на Лубянке в 1921-м. За организацию ПОМГОЛа – Всероссийского Комитета помощи голодающим, также бюллетеня «Помощь», которые редактировал Осоргин.)

Всё творчество Осоргина пронизывают две задушевные мысли: безумно страстная любовь к природе, щепетильно пристальное внимание ко всему живущему на планете и привязанность к миру обыкновенных незаметных, но незаменимых вещей. Первая мысль легла в основу очерков, печатавшихся в «Последних новостях» за подписью «Обыватель», составивших книгу «Происшествия зелёного мира» (София, 1938). Очеркам характерен глубочайший драматизм: на чужой «тёмной» стороне автор превращается из любовника всего исконно-светлого, колодезно-родникового, исподнего – в огородного чудака, окучивающего... кусок земли с торчащим из неё пугалом – заместо культурных насаждений. Вспоминая благостную российскую уединённость, соединяя громкий Протест с большой буквы против отвратной тошнотворности технотронной цивилизации с бессильным Протестом против нестерпимого изгнанничества.

И в том дисбалансе трагедия: «Здесь я убил его одним ударом в то место, где полагается у настоящего человека быть сердцу и где и у него нашлось что-то соответствующее и уязвимое. Убил я без раздумия и без малейшего сожаления, хотя вообще даже червяка насаживать на крючок мне всегда как-то жалко и неловко. А убив, дотащил обратно до берега и сбросил в воду»[3]. Конечно же, никого не убив, не покалечив, а лишь образно представив, что он сделал бы с ненавистной ему персоной, абстрактным типажом, избавив живой мир, – дышащий и таинственный, полный прелести и поэзии: лес, речку и жаворонка в небе, и пушистую белку, и кукушку, «всё ещё считающую наши года», – от ночных кошмаров, его преследующих, гнетущих и душащих.

Олицетворением второй мысли явились библиофильство и каталогизация. Осоргин собрал богатейшую коллекцию русских изданий, с которыми знакомит читателя в цикле «Записки старого книгоеда» (окт. 1928 – янв. 1934) – в исторической серии рассказов, нередко вызывавших крайнее неприятие монархического лагеря за «преступное» непочтение Осоргиным императорской фамилии и церкви особенно.

Но обратимся к осоргинско-зайцевскому, как указано выше, беспредельному очарованию «солнечных лучей» воспоминаний. Не имея физического потенциала, вероятности возвращения на родину, источником его вдохновения являлся некий по-ремизовски низкий, нижайший словесно-мысленный «поклон далёкой стороне», всецело преодолевающий расстояния и границы. Осоргин

[3] Осоргин М. Убийство из ненависти. Последние новости, № 15. 1937.

перелистывал воспоминания, как многажды прочитанную книгу, каждый раз открывая для себя и читателя что-то новое, ранее не замеченное, требующее немедленного переосмысления, свежей логической трансформации. Откровенное очарование прошлым он нежно обёртывает во флёр ласкового предпочтения перед настоящим. Обёртывает в неприкрытую выдуманность, не мемуарность, сходно «выдумщику» Жоржу Иванову, неистово ругаемому за то Ахматовой. Там отчётливо признаётся стирание граней меж автобиографическим фактом и тем «чувственным эхом» (Е. Силаева), которое факт вызывает много лет спустя, таким образом отстаивая право мемуариста непременно отличаться(!) от хроникёра. Мало того, отстаивая именно субъективизм, где малое кажется огромным и «великое – малым», уводя читателя от скупых хроникальных фактов излишней чувствительностью – «нежным лиризмом», прекрасно видя, что без этой призрачной, фатумной чувствительности он был бы просто неплохим повествователем – не более того. Этого Осоргину, разумеется, мало: он вообще не хочет рассказывать, а хочет рождать образы прошлого, «дав им полную свободу».

Ежели можно было вернуться, – пишет он, – как возвращаются к родному берегу из напрасного дальнего странствия, он бы выбрал презумцию... остаться ребёнком, смотря на мир ещё безбровыми глазами. Имея впереди всё, – ничего не желая достичь, – он бы строил испанский замок мечтаний из обгорелых спичек и пустых аптекарских коробок: «...если бы это было можно, – пишет он, – я отказался бы даже от лучшего, что сейчас имею – от моих воспоминаний». Отлично понимая, мол, в сознательном возрасте он как бы не доиграл в Россию, не дочитал, недополучил от неё тепла, как лишившийся матери сирота, вкусив и впитав больше от «кислотного», – как он аллегорически выражался, – Запада, чем от Отчизны.

Итоговая мемуарная книга «Времена»

Исповедальный автобиографический лиризм. Смысл жизни и смерти. Судьба частная и глобальная. Предназначения: цикличность, память, любовь, творчество, свобода. Одномоментно неизбывное стремление к простоте, – высокой и утешительной, обязательно гармоничной.

Тщательный разбор, рефлексия этих извечных вопросов ставят его в ряд крупных философов: «...житейские отношения не слишком сложны, но каждый отдельный человек – путаница добра и зла, сокровищница противоречий».

Своим пантеизмом, уведшим его в масонство, экзотически обособившись, до реликтовости(!), от признанных и глубоко православных классиков русского зарубежья — Бунина, Котляревского, Шмелёва, Ремизова, также таких скрупулёзных мемуаристов как Деникин, Краснов, Волконский, Маковский *etc.*, – считая себя простым русским рубахой-парнем (будучи, напомним, прямым потомком Рюриковичей!), не запятнанным, не извращённым ни сословными, ни расовыми предрассудками, – он нарекает себя сыном «земли и братом любого двуногого»!

Обожествляя деревья, бескрайние луга и реки, он иносказательно борется с «красным» советским деспотизмом, не ведая ни границ, ни догм, ни учреждений, ни кумиров, сам того не осознавая, витиеватым эхом вторя Андрееву, Аверченко, Куприну с преданной подругой Тэффи, – только с иным таргетом, чем у последних: мнемоникой духа, мощным гуманистическим содержанием.

Природа – *Nature* – у Осоргина полна любви. В природе нет ни войн, ни революций. Природа – это его потрясение, его потерянное там, в Перми, незабвенное детство, где грандиозно-могучий весенний разлив Урала шире иного, или даже нескольких европейских государств.

Интересно, но уже в первое своё бегство за границу, в Италию (за участие в революции 1905 г.) он почувствовал себя космополитом. Но космополитом с русской изюминкой: «...вдали от той, жёсткой и холодной, мечтаем всё же о первой, с которой много изжито, много выстрадано. Вот наш космополитизм».

Чужая страна оказалась щедрой на ласку, вино — действовало восхитительно: кипела молодая кровь, взрывалось выдумкой сознание! Он нисколько не ощущал себя иностранцем. За 10 итальянских лет Осоргин выучил все местные диалекты, завёл множество друзей, изучил географию не хуже пермской: «Я знаю на память все станции от Генуи до Рима, в первой, живой и жилой части, и в последней, унылой и мёртвой. Но после Ливорно их не стоит помнить: пустынно побережье до Чивитавеккии. Рим – решительная ставка. Это уже не липовый цвет. Это – подушка кислорода, последний шприц камфоры». И повесть об Италии в 1925 г. названа «Там, где я был счастлив».

Читая архивные свидетельства, поражаешься чрезвычайной насыщенности физического и духовного бытия нашего героя. Здесь и удачнейшая корреспондентская карьера в «Русских ведомостях», «Вестнике Европы». И непрестанная работа, сочинение – фиксация пережитого, пока в стол. («Очерки о современной

Италии» выйдут в 1913, – *И. Ф.*) Разлад с первой женой, хотя постоянно поддерживает с ней связь и помогает материально.

Страстные отношения с дочерью крупного сионистского деятеля. «Весёлый безбожник», как он себя называл, ради любимой проходит обряд «гиюра» – посвящение в иудаизм. Гиюр не помог – отец отрёкся от дочери. (Простит только через 10 лет.) И опять амурная интрижка! (После отъезда еврейской супруги в Питер за ходатайством о его возвращении, дабы избежать неминуемой ссылки в Сибирь.)

Нелегальное возвращение в Россию. Приказ о его аресте предательски следует за ним по пятам, но... так и не настигает жертву: объявлена мартовская амнистия 1917-го. Временное правительство (о чудо!) предлагает Осоргину ехать обратно в обожаемую Италию советским послом. Но, непримиримый враг большевизма, по-аверченковски разоблачавший красных едва ли не в каждом публичном выступлении, он остаётся...

Далее – ссылка. Казань. Подорванное здоровье. Бегство от чекистов. Явка с повинной от безвыходности. Пара любовных романов(!) на стороне. Высылка, наконец... Очутившись на корабле, Осоргин горько плачет, неприкаянно и одиноко стоя на корме: внутреннее чутьё подсказывало – он никогда сюда не вернётся.

Но... Не было бы счастья, да несчастье помогло, как говорится. Безудержные агонистические муки по брошенному не по своей воле отечеству сопряжены и с радостью: вновь удачливый долгий брак, также беспрерывное писание о России; невзирая на великолепное владение несколькими языками, писание исключительно по-русски. Спасение от «профанского»[4] мира – глобальной несправедливости, – находя в единственной организации, объединяющей людей самых разных политических убеждений и национальностей, – масонской французской ложе[5]. И кстати, его доклад об отношениях социума с масонством, их инфильтрации и взаимном проникновении – «Вольный каменщик и профанский мир» (1932) – стал программным, классическим, вызвав в ложе бурную реакцию.

В свою очередь, в повести «Вольный каменщик» (1937) он разрабатывает собственно тему масонства в эмиграции, намеренно стремясь передать, хотя и в наиболее общей форме, базовые тезисы

[4] Масоны используют слово «профан» в его первоначальном смысле: *pro fane* – стоящий у порога в Храм. *т.е.* не посвящённый в тайны Ордена.

[5] Посвящён в ложу *Venti Settembre* (Италия) в 1914. С 1925 член русской ложи Северная Звезда, подчинённой Великому Востоку Франции. Создатель независимой от *фр.* масонства ложи Северные братья в 1932. Мастер ложи Северная Звезда, 1938.

Братства вольных каменщиков, где главный герой – обретающийся в Париже казанский почтовый чиновник Егор Тетёхин – через масонское Братство приходит к толстовскому (с оттенком анархизма) постижению идей добра и всеобщего равенства, составляющих «сущность масонского учения» (Л. Бугаева).

Не будь породой здесь тщеславен,
Ни пышностью своих чинов,
У нас и царь со всеми равен,
И нет ласкающих рабов.

Сердец масонских не прельщает
Ни самый блеск земных царей.
Нас добродетель украшает
Превыше гордых всех властей!

Масонская песня[6]

«Последний рыцарь духовного Ордена русской интеллигенции» (Г. Гурвич), до конца жизни служил этому высокому Ордену, найдя в том второе призвание, не менее нужное и важное, чем писательская деятельность, уйдя в вечность с... советским гражданством, так и не получив французского. (Формально действие русского советского паспорта закончилось в 1937 г.)

«Сейчас на склоне дней, когда свершилось всё, что должно было случиться, а над мечтами о несбыточном и недоступном поставлен намогильный крест, – сейчас, не скрою, страстно хочется вернуть ту пору, хотя бы лёгким путём воспоминаний».

М. Осоргин

Литература

1. Силаева Е.И. (ИНИОН РАН). Автобиографизм литературы русского зарубежья. 2007.
2. Д.ф.н. Ранчин А.М. Проза Михаила Осоргина.
3. По материалам исследовательницы творчества Осоргина Марченко Т.В.
4. Поликовская Л.В. Эпизоды из жизни Михаила Осоргина.

Г. Киров

[6] Цит. по: Соколовская Т. Русское масонство и его значение в истории общественного движения.